

ние скоропостижно умерших людей, за отравление жены или мужа, тяжелые побои, повлекшие смерть, «неправильное устройство питейного заведения». Опытные бандиты, охотившиеся на зазевавшихся крестьян – обозников и купцов, в руки правосудия попадали крайне редко.

С 1851 года по 1916 год могли арестовать за хранение и распространение нелегальной литературы, принадлежность к революционным организациям.

За 100 последних лет население в наших краях значительно изменилось. Стал другим быт людей, образ жизни, мысли и поступки.

Во второй половине XX века на первое место выходят преступления, связанные с хулиганством, на второе – с хищением социалистической собственности, на третье – с кражами государственного и личного имущества, на четвертое – изнасилования.

В 1982 г. социологи Сибирского отделения АН СССР провели обследование нескольких сел, в ходе которого 74% опрошенных подтвердили наличие хищений в своих коллективах. При этом 72 % указали в качестве главной причины этого явления плохое снабжение продуктами и кормами для личного подсобного хозяйства. После того, как отменили налог на коров и свиней, последних стали держать в большом количестве. Зерна, полученного в колхозах по разнарядке, уже не хватало. Взять что-то домой с работы перестало считаться большим грехом. 15% опрошенных заявили: «Так поступают все, в том числе и руководители». Не судили уже не только «за колоски», но и за тонны украденного на предприятиях зерна или масла.

Жизнь людей на территории нашего района зависела в немалой степени от деловых качеств и инициативы руководителей райкомов и райисполкомов, председателей колхозов, директоров совхозов и предприятий. Среди них было немало талантливых, преданных делу работников.

Сегодня там, где еще недавно колосились поля, – поросшие бурьяном пустыри. И все-таки не исчезает определенный оптимизм, который базируется на вере в таких фермеров, как Смирновы из Подобы или Варфоломеевы из Малобабарыкина, на памяти о неоднократном возрождении земли шегарской после неимоверно трудных обстоятельств и опустошительных войн.

На 1 января 2006 года в Шегарском районе числилось 21828 жителей. От их трудолюбия и желания жить достойно зависит, состоится ли это возрождение.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

«Земледелие – первое, самое важное из искусств, без него не было бы ни купцов, ни царедворцев, не было бы ни королей, ни поэтов, ни философов.

Истинное богатство доставляется только землей. Кто улучшает свои земли, торжествует победу над варварами».

Альберт Великий, немецкий философ (1193 – 1280)

1 десятина казенная = 24 кв. сажень (1,09 га)

1 десятина хозяйственная (употребляется с 18-го века) = 32 кв. сажень (1,45 га)

1 сажень = 3 аршинам = 2,13 м

Косая сажень = 2,45 м, маховая сажень = 1,76 м

1 пуд = 16 кг

Крестьянство на территории современного Шегарского района стало складываться в 17-м веке из числа служилых людей: пеших и конных казаков, пятидесятников, сотников и их детей. За ними потянулись для приобретения земли вольные переселенцы и «боярские дети», занимавшие на государственной службе должности пятидесятников и сотников.

Люди ехали с надеждой твердо встать на ноги в чужих краях, где предлагают главное богатство для крестьянина – землю.

Отвоевываая уголья у леса, сначала рубили деревья и выкорчевывали пни, сжигая их. Зола не один год служила хорошим удобрением. Затем почву рыхлили сохой-колесухой с одним большим или двумя поменьше треугольными сошниками. Для улучшения структуры почвы вдоль и поперек пластов проходили деревянной бороной с железными зубьями.

Царский чиновник в 1815 году писал о богородских землях:

«... нижний слой состоит из глины, покрытой сверху на аршин черноземом. Метод возделывания почвы – трехполье с перелогом и залежью. Через 10 – 15 лет поле забрасывают и возвращаются только через 50 – 100 лет».

На одну десятину пашни крестьянин высевал 9 пудов ржи или 10 пудов ядрицы (гречихи), столько же пшеницы или ячменя, 16 – 20 пудов овса, 6 – гороха, 3 – льна, 9 пудов конопли. На «залежной» земле сеялась рожь, которая в первый год давала 50 пудов с десятины, а во второй – 35. По пару сеяли яровые, ярицы собирали до 40 пудов, пшеницы до 35, ячменя до 40, овса до 100, гороху до 25 пудов. Несмотря на примитивный способ земледелия, крестьяне и себя кормили, и в город на продажу продовольствие вывозили.

К пашне мужик относился бережно, как к кормилице. Не желая уплотнять почву, ходил за лошадей босиком или в мягких броднях. Сеял в тихую погоду из лукошка. Хлеба убирали серпом или косой-литовкой, вязали снопы и ставили в суслоны.

Для обслуживания земледельцев отдельные крестьяне возводили по небольшим рекам мельницы. Владельцами мельниц могли быть и компаньоны, и отдельные крестьяне, и целые поселения. Например, в 1834 году крестьянин Михаил Астраханцев из деревни Астраханцевой взял себе в пай крестьянина села Богородского Матвея Байгулова для строительства мельницы на реке Умарской.

С появлением в 17-м веке русских поселений на земле шегарской развивается огородничество. 200 – 250 лет назад крестьяне сеяли традиционные для славян овощи: капусту, репу, редьку, свеклу, морковь, огурцы, тыкву, брюкву. Наш основной продукт питания – картофель – появился здесь в первой половине 19-го века. Когда-то эту культуру методом «кнута» ввел Петр I. Земледельцы протестовали, но со временем привыкли, изменив свой рацион питания. Запас картофеля часто спасал крестьянина в неурожайные на хлеб годы.

Не менее важным занятием было скотоводство. Крестьяне держали лошадей, коров, овец, свиней.

Документы свидетельствуют, что в конце 18-го века жители, проживающие на территории современного Шегарского района, имели в среднем по 4 лошади, 3 коровы, 7 овец и 2 свиньи на один хозяйский двор. «Гол как сокол» считался безлошадный мужик. Это было суровое время, когда только на свои натруженные руки да на выносливого коня могла рассчитывать крестьянская семья. По количеству лошадей судили о материальном благополучии хозяина. Добрый конь был куда большей гордостью, чем в наши дни дорогой авто-

мобиль. Рыжие, гнедые, серые, вороные, чалые... Из глубины веков до наших дней дошли названия особо редких пород: игрневые (рыже-красные с белой гривой и белым хвостом) и серые в яблоках. По масти лошадам давали клички: Савраска, Серко, Рыжуха, Чалко, Игренька.

Бандиты по дороге на ярмарку не дремали. А на сильных лошадях была реальная возможность уйти от погони.

Первое русское поселение на территории современного Шегарского района появилось при царе Алексее Михайловиче Тишайшем, большом любителе лошадей. При дворе находилось 40000 племенных коней, за которыми ухаживали 600 конюхов и приказчиков.

В 1853 году (конец правления Николая I) в Богородской волости числилось 4177 душ мужского полу, которые обрабатывали 43823 десятины пашенной земли. Сенокосов было всего 23536 десятин.

За развитием каждой отрасли сельского хозяйства стоял тяжелый, но привычный образ жизни, требующий трудолюбия, сноровки и крестьянской смекалки.

Жизнь и благосостояние земледельца всегда зависели от погоды. Весной нужно вовремя посеять, летом с покосом управиться, осенью убрать урожай. Дожливое лето – сено сгниет, засушливое – хлеба не вырастут. Вот и страдал крестьянин с ранней весны до глубокой осени. Мы и сейчас при обилии техники и удобрений называем эту беспокойную пору на селе страдой.

Крестьянин говорил: беда не за горами, а за плечами. И был прав. С трудом выращенный урожай еще нужно было продать, чтобы купить тот же керосин. Мошенников хватало в городе во все времена. Деревенская доверчивость стоила то денег, то жизни.

Гусевский Герой Социалистического Труда В.А. Грязев рассказывает в «Воспоминаниях для внуков» об одной из таких встреч своего отца с преступниками.

Как-то молодые парни из Гусева Роман Кропочев, Александр Гусев и их земляк Егор втроем поехали в Томск продать урожай. Ехали весело, с разговорами. В Тигильдееве на постоялом дворе остались ночевать.

Базарная площадь встретила шумом и гамом. Вскоре к одному из них, Егору, подошел важный господин в дорогом пальто с меховым воротником

и предложил купить все 20 пудов пшена. За доставку на дом обещал еще хорошо заплатить.

Оставшиеся Роман Кропочев и Александр Грязев пшеницу свою продали быстро, а товарища все не было. Стемнело.

Сбегали за чекушкой для сугреву.

– И где его черти носят, давай, слышь, потихоньку поедом, а он, если явится, сообразит, что нас догонять надо.

Не догнал Егор их и утром.

– Слушай, Александр, а ведь хреново будет, если мы приедем без Егора. Если что с ним случится – нам отвечать. Скажут, бросили товарища, подожреть будут.

Рано утром, когда гусевцы отъезжали с постоянного двора, Егор уже подъезжал к своему дому.

– Коня распряги, перемерз сильно, – еле выговорил он вышедшему на встречу отцу.

Увидев непроданные мешки с пшеном и загнанного коня, старик терялся в догадках.

Уже дома, молча позавтракав, спросил:

– Ты в городе- то был?

– Довелось.

– А чего так быстро возвратился, по коню вижу, что-то неладно у тебя вышло, да и мешки с пшеном целехоньки.

– Зато сам живой.

Егор расстегнул грудной карман, вынул деньги, сунул их в заскорузлую руку отца.

– Попал я, батя, в переделку, до сих пор опомниться не могу.

Приехали мы вчера на базар, пошмыгали с Романом между людей, узнали, что почем. Подвернулся мне покупатель, одет по-городскому. За доставку обещал набавить.

Крутили по улицам и переулкам долго. Наконец, подъехали к дому. Заехал я в ограду, смотрю: двор глухой, строения капитальные, амбары.

Пригласил важный господин мужика в дом, чаем с сахаром напоил, обласкал, деньги отсчитал из кожаного бумажника. А потом попросил помочь мешки в амбар отнести.

Только Егор в амбар вошел – дверь за ним закрылась. Сначала в дверь кулаками стучал, а потом сел и стал думать. Решил закурить, достал спички. И только тут увидел, что перед ним глубокая яма, в которой явно не один торговец зерном шею сломал.

Русский мужик, когда начинает «пятый» угол искать, всегда на смекалку горазд. Вот и Егор сообразил, что осмотреться надо и затаиться. А тут здоровенный амбарный замок нащупал. Сколько времени прошло – неизвестно, только слышит – кто-то к двери подходит. Далее В. Грязев, по словам отца, это событие описывает так:

«Стою и в руках замок сжимаю, аж пальцы ломит ... дверь потихоньку начала открываться... слышу голос: заходи смело, он уже шею себе свернул. Сначала показалась рука с фонарем, потом кто-то переступил порог, посветил вправо, влево и пошел, дыша винным духом, между сусеками. Тут я его и хряснул сзади замком по башке. В один миг выскочил, дверь – на клямку, в несколько прыжков к крыльцу и тут настиг другого. С разбегу долбанул и этого между лопатками по становой жиле, он и обмяк.

В дом забегаю – никого. На столе водка стоит, схватил свою шубенку, выскочил, разворачиваю Рыжку к воротам, а они заперты. Я ощупкой, кое-как, засов отодвинул – и ходу!

- Дак ты, что, ухлопал мужиков-то энтих?
- Почем я знаю? Если живы остались – долго кашлять будут.
- Мабудь, заявить, куда следует, пусть с ними разберутся, – посоветовал отец.
- Еще чего придумал, заяви, попробуй. Упекут за это дело и надолго, ты уж лучше, батя, помалкивай».

Такие события в крестьянской жизни были редкостью, они через десятки уст обрастали домислами.

Каждый крестьянин по своей деревенской сути был человеком доверчивым, хоть и с хитрецей. Поэтому крутилось вокруг них много разных мелких мошенников. Степан Кулагин, вспоминая юность, рассказывал своим детям о некоторых проделках любителей чужого добра.

Например, торгует крестьянин льняным или конопляным маслом из бутыли. Рядом стоят несколько маленьких бутылочек или баночек. Подходят двое-трое. Один хват баночку – и бежать. Другой кричит: «Хозяин, смотри,

он масло потащил!». Мужик – рысью за воришкой. Возвращается, несолоно хлебавши, а другие воры уже всю бутылку унесли.

В целом же крестьянская жизнь была однообразной, размеренной и тяжелой.

Веками отлаженный ритм трудовой деревенской жизни крепкого хозяина оказался разрушенным революцией.

Можно понять состояние гнева и отчаяния крестьян, переживших и белый, и красный террор. Сначала работоспособных мужиков мобилизовали на Первую мировую войну. Не успели крестьянки отплакать по погибшим, как молодых деревенских парней стали забирать в отряд Колчака. Были случаи, когда за побег сыновей в тайгу белогвардейцы пороли шомполами насмерть стариков. За попытку бежать из армии расстреливали либо вешали в назидание другим. Тех, кто побоялся убежать из белой армии в 18-м году, расстреливали уже чекисты. Ходить за пашней стало некому, да и не было никакого смысла горбатиться, если продать излишки стало невозможно: все забиралось даром. Тут уж «не до жиру, быть бы живу» (не в это ли время, с разрушения уклада крестьянской жизни, была посеяна разруха российских деревень, плоды которой мы пожинаем сейчас?).

Дед известного в районе учителя-физика, инспектора РОНО Анатолия Фадеевича Назарова держал в своем хозяйстве 12 коров, 5 лошадей, молодняк, овец, гусей, кур. Вся работа по заготовке кормов, навозоудаление, дойка коров выполнялись вручную четырьмя людьми (дед, бабушка и отец с матерью) и продолжалась весь световой день. На предложение вступить в колхоз глава семьи ответил честно: «Все, что сейчас имею, я нажил своим горбом, и я должен все отдать лодырям и пьяницам?». Семью раскулачили и выслали на остров среди болот в Пудинский район. Спустя 67 лет внук вспоминает о разграбленном хозяйстве без сожаления: «Я не ругаю Советскую власть, она меня уберегла от тяжкого труда, на который обрекли себя мои родные... Как

Красноармеец Иван Мартов

они только успевали?». Если бы не те раскулачивания, кто бы добровольно расстался со своим стадом, со своей пашней?

Продукты питания с установлением новой власти стремительно дорожали. В 1921 году в Томский губчека шли телеграммы о начале брожения среди крестьян в связи с вывозом хлеба. «Толпы женщин с грудными детьми на руках препятствуют вывозу хлеба, стрельба вверх не имеет успеха. Утверждение продорганов в том что хлеб в деревне есть ничем не подтверждается наоборот продработники с мест заявляют что хлеба в деревне нет и главным образом нет семян точка» (орфография и пунктуация сохранены. ЦДНИ ТО. Ф. 888. О.1. Д. 98).

А хлеб из Богородской волости, чтобы накормить голодный и готовый к бунту город, все шел и шел обозами.

К смене государственной власти в селе отношение было неоднозначное. Одни к революционным идеям отнеслись враждебно, другие – настороженно, третьи – как к вековой мечте о братстве, равенстве, взаимовыручке.

В 20-х годах недалеко от сел Монастырка, Татьяновка, Федораевка образуются сельскохозяйственные коммуны. С верой в светлое коммунистическое будущее люди объединили земли, скотину. Под Монастыркой построили двухэтажные общежития барачного типа для вновь приезжих коммунаров.

В 21-м году деньги потеряли окончательно свою ценность. Инфляция продолжала расти, несмотря на карательные меры властей. Пуд пшеницы стоил 200 тысяч рублей, а пуд картофеля – 16 тысяч.

Началась чехарда с деньгами: на смену царским пришли керенки, затем колчаковские купюры, ленинские, сталинские... Народ собирал их сундуками, да все прахом пошло.

Люди бежали из города в деревню, чтобы выжить.

Среди крестьян-единоличников все чаще распространялись слухи об объединении.

– Говорят, мужики, скоро всех коней и коров соберут в один двор, и будет у нас у всех общий котел, – начинал один.

– А бабы тоже общие будут?

– И бабы, – подхватывали шутку остальные.

– Тебе хорошо говорить, вы со своей бабкой уже на ладан дышите, а вон

у Егорки – молодая да ядреная, так он будет несогласный.

– Как это в один котел? А если, как у Фомы, кроме мышей, и нет ничего?

– Как это ничего – семь работников мал мала меньше.

– Они пока работники из чашки ложкой.

Зажиточных мужиков от таких разговоров брала тревога: кому добро горбом достается – на ветер бросать его не будет.

Пока народ судил да рядил, власть от слов перешла к делу.

В 1926 году в Баткате было организовано кредитное товарищество. Через 2 года в Гусеве создано товарищество по общественной обработке земли. Крестьяне, подавив тревогу за будущее своих детей, стали вступать в кооперативы.

Но крепкие хозяева не желали сдавать своих позиций без боя. Они сопротивлялись всеми силами против социалистической сельскохозяйственной кооперации. В ход шла и аргументированная агитация, и физическая расправа над представителями советской власти.

В 1927 году погиб от смертельного выстрела заведующий Новоильинской школой коммунист И.А. Борисов, проводивший работу по созданию потребительской кооперации.

В конце 20-х годов, после споров и сомнений, а также раскулачивания и массового выселения зажиточных крестьян из собственных домов единоличных хозяйства начинают активнее объединяться в колхозы. По воспоминаниям первых колхозников, мужики приносили свои заявления и смущенно говорили: «Пиши и меня. Вижу, правильно вы живете...».

В 1929 году в Бабарыкине организатором образования колхоза стал Иван Михайлович Кожевников. Уроженец села, он работал в городе, был убежденным коммунистом и обладал способностями пропагандиста. Ходил по дворам и убеждал земляков, что бедноте нужно объединяться в колхоз, иначе не выжить. В результате умелой агитации 94 семьи из 192 свели свою скотину на общественную ферму. На первом же собрании новому колхозу дали имя Блюхера.

В этом же году образовалось коллективное хозяйство в Новоильинке и в других селах.

Так было положено начало новой форме собственности на территории современного Шегарского района.

К 1939 году земельная площадь Шегарского района составляла 447,18 тыс. га. В том числе пашни – 66, 36 тыс. га (для сравнения: в 1853 году в Богородской волости насчитывалось 43823 десятины пашенной земли), усадебной земли – 2,87 тыс. га, луга – 20,16 тыс. га, выгоны и пастбища занимали 10, 16 тыс. га.

Основными владельцами и земли, и скота, и техники были колхозы. Перед войной к 1940 году 4401 семья объединились в 76 колхозов. Но лишь 36 из них обслуживались МТС.

Двадцать колхозов в 1936 году брали технику из Батката, а шестнадцать с 1937 года – из Гынгазова. Всего же в районе было 32 гусеничных трактора, 55 колесных и 34 комбайна, 4 легковых автомобиля и 35 грузовых. Первый трактор появился в середине тридцатых. И тут же по всем колхозам прошла новость, что прислали, мол, «коней железных», которые овса не едят, а пашут лучше доброго тяжеловоза. Мужики хлопали трактор по железным бокам, заглядывали под него и все дивились:

– Вот это да! Вот это конь!

Другие с опаской возражали: дым уж больно вонюч, не повредил бы пашне. Да и тяжеловат он для землицы. Вдруг хлеб не будет родиться?

Районное начальство успокаивало:

– Не бойтесь. В центральных областях страны давно на таких тракторах работают. Зерна много собирают. И государству сдают, и себе с избытком остается.

«Так-то оно так, – думал про себя предусмотрительный крестьянин. Но дело шибко новое, не промахнуться бы».

Хоть строгая была дисциплина в сталинские годы, а сельхозпродукцией на базаре торговали всегда. Воров, грабителей и простых карманников хватало и в

Трактористка Васильева Анна
(Чукова). 1936 г.

царские, и в советские времена. Разговоров-пересудов про городское жулье тоже было много. Однажды Афанасий Кулагин, собираясь в Томск, вшил в карман рыболовные крючки. Идут с другом по рыночным рядам, семечками плюются, зубоскалят. А сзади уже карманник пристроился. Сунул руку – и обомлел! Собрался было вор шаловливые ручки из кармана вынуть – да не тут-то было. Афанасий оглянулся с ухмылкой: ты что тут, гад, в моем кармане делаешь? И пошел его кулаком охаживать. Карманник орет, а убежать не может. В конце концов оторваться-то оторвался, но «рабочий инструмент» надолго из строя вывел.

Для крестьянина его главным инструментом еще долгие годы оставались лошади. Их в районе было, по переписи на 1 янв. 1940 года, 5846 голов (Центр документации. Ф. 888. О. 1. Д. 39 А). Из них в собственности колхозов было 5293 головы, а в единоличном хозяйстве только 21 лошадь на весь район. Остальные кони находились в распоряжении других организаций. Всего скота без учета лошадей в районе было 39039 голов. В том числе крупнорогатого скота (быков, коров, телят) – 12638. Но в собственности колхозов числилась только одна треть от общего количества.

Содержать молочное стадо в колхозе было сложнее, чем лошадей, поэтому основное поголовье находилось в личных хозяйствах колхозников. В предвоенный год в колхозах содержалось только 1326 коров из общей численности по району 5899. Общее количество овец было 17266, из них в колхозах – 4353, свиней всего 9135 голов, из них в колхозах – 1173.

Государственная власть требовала общественной формы собственности в селах, но цифры красноречиво говорят о том, что на личных подворьях оставалось значительно больше скота.

Поденная оплата труда без учета качественных показателей и сохранности стада привела к серьезным недостаткам в животноводстве. Запрет на содержание крупнорогатого скота в личных хозяйствах неизбежно привел бы к голодному бунту.

Одной из серьезных проблем в сельском хозяйстве, несмотря на репрессии, была слабая дисциплина и пьянство. По результатам проверки колхоза им. Буденного от 19.04. 36 года было дано заключение:

«... ветеринар не занимается лошадьми. На почве систематичной пьянки бригада развалилась. Отмечаются случаи вражды на национальной почве

между русскими и мордвинами. Бригадир (далее указана фамилия) предупрежден, если бригада не придет в боевую готовность, и он не проведет мероприятия «За высокий урожай», его снимут с работы и отдадут под суд» (ЦДНИ ТО. Ф. 888, О.1, Д. 6).

Во многих колхозах в конце 30-х годов поднимается вопрос о самогонкурении и торговле самогоном. По решению общих собраний за такие нарушения только снимали с работы, не отдавая под суд (в связи с большим количеством самогонщиков в селах).

Другим бедствием для сельского хозяйства на момент образования нашего района была низкая грамотность руководящего состава колхозов.

В Новониколаевке (Роговике) Малобрагинского сельсовета в колхозе «Красный хлебобор» председатель и бригадиры были из бедняков и батраков, не владеющих грамотой. Комиссия по проверке колхозных кадров обязала «с 15 июня по 15 августа председателя т. Прохорова и бригадира Мазданина научиться бойко читать, грамотно писать и выучить арифметику до дробей включительно». Для учебы к ним и другим малограмотным руководителям приставляли учителей. Сейчас сложно представить, что было в 30-е годы опасней: обучаться все лето грамоте и «пустить на самотек сельхозработы или выполнять свои служебные обязанности (а они в селе с раннего утра и до позднего вечера), но нарушить постановление влиятельной комиссии по кадрам и остаться неграмотным.

В Центре документации г. Томска сохранился документ о результатах этих проверок 1936 года: комиссия ознакомилась с работой 216 руководителей в 22 колхозах.

6 председателей сняли с работы, под суд отдали 4 кладовщиков, 3 председателей ревизионной комиссии, 2 председателей колхозов. (ЦДНИ ТО. Ф. 888, О.1, Д. 6).

Документы свидетельствуют: не все было гладко. И причиной этому стали не враждебные нам империалисты, а ошибки в руководстве на всех уровнях внутри самой страны (см. гл. «Репрессии»).

Тем не менее, в предвоенный год шегарцы продали государству 109,4 тыс. ц зерна. Закрома Родины пополняли своей продукцией 77 молочных, 36 свиноводческих и 58 овцеводческих ферм. 4 раймаслопрома с 47 работниками

сдавали государству масло на 189,7 тыс. рублей. Овощесушильный завод выпускал 73,3 т сушеных овощей на сумму 194,3 тыс. рублей. 24 человека работали в пекарне, 45 человек обеспечивали горожан льняным маслом. 11 мастеров трудились в обзном производстве артели «15 годовщина Октября».

В 1939 году шегарский колхоз имени Чапаева был представлен на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и получил диплом ВСХВ (позднее эта выставка называлась ВДНХ).

К этому времени процесс сплошной коллективизации завершился созданием семидесяти шести колхозов.

Все, что с таким трудом после I мировой и Гражданской войн создавалось в сельскохозяйственной отрасли, было разрушено с началом Великой Отечественной войны. Самые работоспособные мужчины ушли на фронт. Остались женщины, дети, инвалиды и старики.

Призыв колхозниц Баткатской МТС в условиях военного времени был вынужденной мерой. Работницы обратились ко всем жительницам Шегарского района: «Товарищи женщины, девушки, берите в свои руки плуги, тракторы, комбайны, заменяйте на любой работе мужчин и мы, безусловно, обязательно победим».

Уже к осени 1941 года появились тракторные бригады женщин.

В коллективных хозяйствах поднялась вторая волна стахановского движения. При норме 400 снопов колхозница Персиянова («Новая жизнь») вязала 700, а Плюшина – 900 снопов. Колхозница Пращук из колхоза имени III Интернационала вместо 0,2 га выжинала серпом в три раза больше.

В годы войны по-ударному трудились на сельскохозяйственных работах в колхозах «Молот», «Советская Сибирь», им. Чапаева, им. Горького, им. Коминтерна, им. Молотова, «Таежный боец», «Красный трудовик», «Большевистский сев», «Боевик».

Колхоз «Молот» Гусевского сельского совета вместо 2000 пудов хлеба сдал государству 9500 пудов, колхоз им. Чапаева Федораевского сельского совета сдал сверх плана государству 2070 пудов (районная газета «За освоение Севера», 1944, 17 февраля).

В Гусеве колхозница «Молота» Арина Грязева серпом могла сжать в день 40 соток пшеницы. За ней на спор не мог угнаться ни один мужчина.

Она ловко работала не только обеими руками, но и ногами, умело подгибая колосья.

Война меньше затронула животноводство, так как в этой области традиционно трудились женщины, но и здесь катастрофически не хватало крепких мужских рук.

Горожане и Советская армия получали во время войны продовольствие только благодаря трудовому энтузиазму и неимоверному терпению колхозного крестьянства.

Старший научный сотрудник Государственного архива Томской области Л. Блещавенко писал к 40-летию Великой Победы: «2 октября 1944 года 16 колхозов Шегарского района досрочно выполнили годовой план хлебосдачи... колхозники с. Новоильинка сдали сверх годового плана 489 центнеров зерна. Колхозники с. Маркелово отправили на заготовительный пункт 400 центнеров хлеба сверх плана».

Поистине чудеса героизма в тылу проявляли женщины и подростки. Для них рабочий день не исчислялся часами, они практически целые сутки были в поле. 18 октября в одном из колхозов Шегарского района за ночь колхозницы А. Уляхина и С. Астанина выполнили норму на 284, Можарова – на 312 %.

В районах области был объявлен комсомольско-молодежный декадник усиленной сдачи хлеба государству. Комсомольцы Шегарского района с энтузиазмом включились в декадник. Транспортная бригада Марии Казаковой на 5 быках за 10 дней вывезла около 4000 пудов хлеба. Молотильная бригада Алексея Малякова за этот же период намолотила 3500 пудов. Победителями социалистического соревнования за первую декаду октября 1944 года вышли колхозы Новоильинского сельского совета. Они сдали сверх плана 2000 пудов зерна. Намного перевыполнили свои обязательства колхозы Гусевского сельсовета, сдав сверх плана 5000 пудов зерна».

В те годы газеты писали об ударниках трудной жатвы Д.А. Рыбалкиной, – 75-летней работнице колхоза «Советская Сибирь», и Бехтеревой, ученице 7-го класса Новоильинской неполной средней школы.

«... В последнюю «военную» уборочную шегарские колхозники сдали для фронта 70000 центнеров хлеба, 25000 пудов мяса, миллион литров молока, 12000 тонн картошки, 2000 пудов рыбы».

Ударные сельскохозяйственные работы выполнялись на фоне серьезных трудностей. За годы войны не пополнялся тракторный парк района. Имело место и отсутствие горючесмазочных материалов. Большинство трактористов не имели ни знаний, ни опыта работы с техникой. Это обстоятельство в разгар уборочных работ послужило причиной простоев малочисленной техники и крупных аварий тракторов. (ГАТО. Ф. Р1165, Оп. 2. Д. 12. Л. 108).

Все дети с 8–10 лет в посевную и уборочную пору работали в хозяйствах по 12 часов в день на быках и лошадях: с 4 час. утра до 8 ч., с 11 ч. до 15 ч. и 18 ч. до 22 ч. Во время трехчасового перерыва дети спали, кормили быков, лошадей, ели сами.

9 мая 1945 года шегарские деревни разделили радость победы со всей страной. Из 4450 ушедших на фронт селян около тысячи вернулись больными, искалеченными, но живыми поднимать сельское хозяйство.

Победив фашизм, колхозники не одно послевоенное десятилетие побеждали собственную нужду и неустроенность.

Бывало, отработав год, люди оставались еще и должны колхозу.

По-прежнему основная тяжесть сельскохозяйственных работ лежала на женщинах.

В 1946 году победителями социалистического соревнования за досрочное и качественное выполнение тракторных работ стали Ирина Голубева (бригадир тракторной бригады Гынгазовской МТС), Анастасия Черногривова (также бригадир тракторной бригады Гынгазовской МТС), трактористки Анна Шабалина и Акулина Грачева.

В колхозе «К новым победам» Баткатского сельсовета впереди всех колхозницы, убирающие хлеб вручную серпом: Назарова, Персиянова, Чернышова, Волкова, Костригина.

В 1947 году высокое звание Героя Социалистического Труда получают два звеньевых колхоза «Молот» Грязев В.А. и Волинкин Н.Г.

Вспоминая легендарную самоотверженность и работоспособность людей в эти годы, ветераны труда сегодня говорят: если бы сейчас так работали, мы уже жили бы при коммунизме.

С начала 1950 года начались объединения колхозов.

В результате слияния 54 хозяйств было образовано 19 укрупненных сельхозартелей. Всего по району остался 41 колхоз вместо 76. Такое укруп-

нение имело свои преимущества: в одних хозяйствах была техника, но не хватало рабочих рук, в других пашенная земля не обрабатывалась из-за отсутствия тракторов и комбайнов. Экономические, финансовые и людские ресурсы оказались сконцентрированными в одном хозяйстве, которое можно было вести по принципам расширенного производства. С другой стороны, у таких укрупнений был один, но серьезный недостаток: маленькие деревни стали вымирать. Наиболее работоспособные колхозники переселялись в центральные усадьбы, такие как Баткат, Каргала, Гусево, Бабарыкино. Здесь были школы, Дома культуры, детские сады, медпункты, колхозные конторы.

К концу 1958 года в районе осталось 18 сельхозартелей, 1 рыбоартель, 1 промколхоз.

На любые переезды колхозник должен был получить разрешение. Без паспорта от находился в крепостной зависимости от хозяйства. За самовольные отлучки могли серьезно наказать, в лучшем случае возвращали обратно в колхоз. Наказывали и тех руководителей, которые принимали на работу колхозников, не согласовав с правлением колхоза. Это расценивалось как нарушение Устава сельхозартеля. В 1937 году по этой статье расстреляли заведующего Шегарским райздравом Иванова... (см. гл. «Репрессии»). После смерти Сталина и Берии такие вопросы языком маузера уже не решали.

И до войны, и после нее крестьянина давил налог. Каждая семья должна была сдать в год 215 л молока, 100 шт. яиц, 46 кг мяса, одну шкуру, 1000 рублей денег. Свиные шкуры принимались только со щетиной, палить ее было нельзя. «Держишь или не держишь корову и свиней, а вынь да положь!», – вспоминали пожилые селяне.

Руководство района все эти годы принимало многочисленные партийные меры за повышение производительности труда, но проблем в сельском хозяйстве оставалось много. Как отмечалось на XIII Шегарской партийной конференции (1958 г.), поголовье скота повышалось с трудом (2,3 коровы на 100 га сельхозугодий), отставала его продуктивность. Молока от коровы получали в среднем по 1846 кг. И лишь лучшие 24 доярки надоили по 2200 – 2400. Всем в пример ставилась доярка Р.И. Батурина из колхоза «Рассвет», которой удалось поставить рекорд – 2754 кг. Через 2 года доярка Е.Р. Ильиных из кол-

хоза «Прогресс» впервые в нашем районе перешагнет трехтысячный рубеж и получит от коровы 3002 кг в год.

Лучше обстояли дела с хлебозаготовками, с каждой пятилеткой увеличивались посевные площади, почти удвоился валовый сбор зерна (до 53 тысяч тонн в 1958 году, а в 1959-м он снова упал до 36,5 тыс.).

С конца пятидесятых жизнь в деревне стала качественно улучшаться..

В 2 раза увеличилась выдача денег на трудодни.

В 1958 году технику из МТС передали колхозам. И хотя были в колхозах проблемы с обслуживанием тракторов и комбайнов, в целом результат такого решения оказался положительным. Как вспоминает бывший директор к-за «К новым победам» Притупов Григорий Захарович, механизаторы и руководители тракторных бригад стали по-хозяйски относиться к земле. Раньше их зарплата зависела от количества гектаров обработанной земли, а после перехода в колхоз стала зависеть от конечного результата работы. Это повысило производительность труда.

Наша страна – одна из немногих, где работать на земле непрестижно. Мало кто представляет себе, сколько ума, выносливости и выдержки, трудового героизма нужно было приложить, чтобы выйти из военной разрухи. Для большинства колхозников вся человеческая жизнь состояла из «борьбы за урожай» и собственного выживания.

Сегодня старожилы вспоминают и 30-е довоенные годы, и 50-е послевоенные «как трудные, но веселые». Им дорога память о тех временах, когда все были бедны, бесхитростны, трудолюбивы, отзывчивы на чужое горе. Они были готовы разде-

Доярки колхоза «Новая жизнь». 1960 г.

лить последнее с тем, кому еще тяжелее. Всей деревней отмечали советские праздники, традиционную «Первую борозду», проводы зимы, «День урожая». С 6 утра ходили «отдавать свои голоса» на выборах, шли колоннами на демонстрации, а потом собирались за длинным столом, заставленным картошкой, солеными огурцами, квашеной капустой, пирогами, студнем. По этому случаю доставали из сундуков лучшую одежду, пропахшую нафталином. Бабы наряжались в вышитые при керосиновой лампе кофты и цветастые платки. У всех в такие дни было праздничное ожидание чего-то хорошего. За столом чокались, выпивали, а кто выпить не желал – всем столом уговаривали. Убежденные трезвенницы незаметно выливали бражку из своих стаканов в сапог или под стол и с захмелевшими гостями затягивали песни. От этих песен уходили и печаль, и безысходность. Люди легко мирились со своей незадачливой судьбой.

Потом под гармошку шли плясать, а бабы озорно выкрикивали частушки, подмечая сметливым крестьянским умом все смешное в грустной человеческой жизни.

Говорят, в колхозе плохо,
А в колхозе – хорошо!
До обеда ищем сбрую,
А с обеда – колесо.

«Хороша была советская власть, но продолговата», – говорят одни, другие же, всем сердцем прикипев к колхозной самобытности, так и не приняли перестройку с ее непонятным для простого народа капитализмом.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В 60–70-е ГОДЫ

С 1961 года в районе появляются совхозы. Первый совхоз «Россия» протянулся от Батурина до Монастырки. Он объединил 12 отделений, в которых работало более 2000 человек.

В колхозной собственности числилось сто пятьдесят тракторов, почти двести сеялок, сто двадцать культиваторов, полсотни лафетных жаток, сто шестьдесят комбайнов и другой техники на сумму более 6,5 миллиона рублей.

Грамотнее и, главное, опытнее стали руководящие кадры.

В 1962 году Шегарский, Кожевниковский, Кривошеинский и Молчановский районы, их сельскохозяйственные отрасли вошли в состав Шегарского территориального производственного колхозно-совхозного управления (позднее оно стало объединять только Шегарский и Кожевниковский районы).

К этому времени крестьянский труд оплачивается деньгами и появляется не только моральная, но и материальная заинтересованность.

Хрущевское правление запомнилось работникам сельского хозяйства особым вниманием властей всех уровней к выращиванию кукурузы. Как бы сегодня эту культуру ни высмеивали, а она значительно, как и турнепс, повышала надои молока, увеличивала привес при выращивании молодняка.

В целом в Шегарском районе за 10 лет на 60% увеличился валовый сбор зерна и в 5 раз – валовый надой молока. За 1-й квартал 1963 года молока получили столько, сколько в 1953 году за год.

21 доярка в районе перешагнула 3000-й рубеж надоев.

Доярка Г. Волкова. Малобрагино. 1962 г.